

РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.161.1.09

DOI: 10.17223/24099554/8/11

Т.А. Васильева

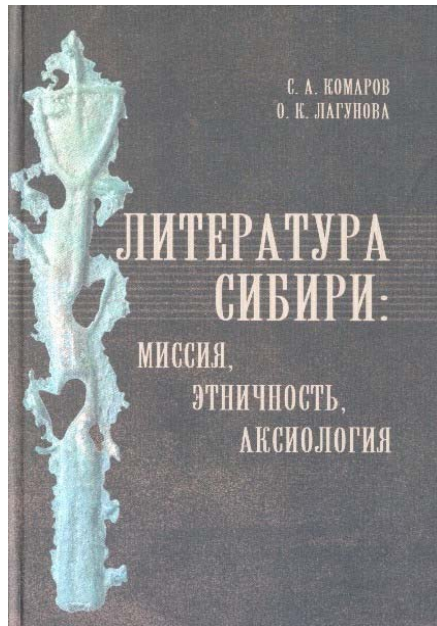
В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОНСТАНТ

(Рецензия на книгу: Комаров С.А., Лагунова О.К. Литература Сибири: миссия, этничность, аксиология. Тюмень, 2016. 200 с.)

Статья посвящена исследовательской концепции монографии С.А. Комарова и О.К. Лагуновой «Литература Сибири: миссия, этничность, аксиология» (2016). Акцентируется внимание на оригинальных методологических подходах к своеобразию региональной словесности, отмеченных стремлением выявить ее субстанциональное ядро в ценностно-мировоззренческом плане и в плане поэтики.

Ключевые слова: русская литература, литературы народов Сибири, литературный регионализм, эссенциализм, аксиологический подход.

Современное российское сибиреведение разнообразно в исследовательских подходах. В нем соседствуют работы, опирающиеся на концепции «локального текста», геопозитики, «областных гнезд», на методологии мультикультурного и постколониального анализа. Монография С.А. Комарова и О.К. Лагуновой «Литература Сибири: миссия, эт-

ничность, аксиология» (Тюмень, 2016)¹ стоит в этом ряду особняком. В большинстве своем, что отражает общие векторы развития литературной регионалистики, сибиреведение, с теми или иными вариантами, склоняется к конструктивистскому видению, к контекстно-историческому рассмотрению локальной идентичности и ее вызреванию во взаимодействии различных мировоззренческих и художественных программ.

С.А. Комаров и О.К. Лагунова исходят из иной, эссенциалистской посылки, подразумевающей наличие у литературы Сибири собственной миссии, чьей основой является специфика ценностных ориентиров. Будучи постулирован в кратком введении, этот подход реализуется в первых трех главах книги в анализе ряда конкретных произведений сибирских писателей. Концептуальные экскурсы вынесены авторами в завершающую часть, прежде всего в параграф «Научные версии феномена литературного творчества коренных малочисленных народов» (С. 145–156).

Обозревая позднесоветские концепции «ускоренного развития» младописьменных сибирских литератур и их постсоветские модификации, концепцию «мифоутопической компенсации» Д. Самсона, возможности постколониального рассмотрения и концепции «колониального вызова» и «колониальной адаптации», утверждающие взгляд на «творчество русскоязычных писателей ненцев, манси и хантов как голос обреченного мира», как «выбор языка победившей культуры» (С. 148), С.А. Комаров и О.К. Лагунова настаивают на приоритетности иного взгляда:

<...> не проблема погибающего и обреченного народа, не идея проигравшей культуры руководит сегодня писателем из малочисленных народов Севера, а ощущение своей миссии по отношению к человечеству и всей громадной России. России предлагается опыт созидательного выживания в экстремальных условиях как опыт проверенный, перспективный, необходимый (С. 151).

Истоком подобного миссионерства авторы видят советский этос, когда писатель ощущает себя представителем и органом своего народа, что соединяется с наследием «прогностической, магической, защитной и адаптивной функции шаманства языческих народов» (С. 153).

В ценностном плане подобная идентичность предполагает доминанту онтологического, надличностного начала, видение реальности

¹ Далее при ссылках на это издание страницы указываются в тексте.

сквозь призму космических законов, родовой судьбы, этических универсалий. В плане эстетическом «письменное художественное творчество создало широкие возможности и действенные механизмы встраивания бытийных оснований традиционных культур ненцев и хантов в интенсифицирующуюся письменно-знаковую среду современного человечества» (С. 153). Их воплощением в поэтике являются мифологические структуры, насыщенные религиозным символизмом.

Эти ретроспективно, по композиции книги, сформулированные послышки в начальных главах растворены в очерках эстетики и поэтики русских и русскоязычных авторов Сибири второй половины XX в. Писателем, представляющим истоки подобного онтологически-мессианского сознания, выступает П.П. Ершов с его знаменитой сказкой «Конек-горбунок», обращение к которой закольцовывает первый и последний параграфы монографии.

Глубинные интенции замечательно тонкого историко-литературного и поэтологического анализа «Конька-горбунка» («Русская сказка П.П. Ершова “Конек-горбунок”») (С. 7–29) в полной мере раскрываются только в контексте всей книги. Феномен сказки, созданной девятнадцатилетним студентом, определяется авторами прежде всего мощной космическо-исторической мифологией, основанной на «библейском мирочувствовании» (С. 28). В сюжетном построении «Конька-горбунка» выявляется аллегорическая основа взаимодействия «Духа Человеческого и Природы», проходящего фазы соперничества, покорения и искупления и сопровождаемого национально-историческими приметами разных эпох. Новые аспекты религиозного смысла сказки открывают акцентированные С.А. Комаровым и О.К. Лагуновой библейские проекции на Книгу Захарии, Книгу Иова, Откровение Иоанна Богослова, Книгу Ионы.

Закономерно, что подобный потенциал «Конька-горбунка» подвигает на активное его использование, и здесь авторы отказываются от эссенциалистского подхода в пользу конструктивистского, вступая на путь «изобретения традиции» и превращая сказку в одно из слагаемых «символического капитала» Тюмени («Тюмень и символический капитал: проблемы культурной геостратегии» (С. 180–182). Одна из возможных технологий этого превращения – методико-педагогическая – показывается в концепции школьного урока, посвященного творчеству Ершова («Наследие писателя и современный урок (навстречу Петру Ершову)» (183–188).

Важная посылка книги состоит в постулировании глубинной аксиологической близости сибирских писателей, будь то представители литератур северных народов А.П. Неркаги, Е.Д. Айпин, Ю.К. Вэлла или А.В. Вампилов, В.Г. Распутин, В.М. Шукшин. Концептуально она обосновывается в сопоставлении творчества А.П. Неркаги и В.Г. Распутина («В.Г. Распутин и А.П. Неркаги: национальная идентичность и проблемы типологии» (С. 80–94), где «обнаруживается системное совпадение параметров»: «выражение родового сознания», выход к «бытийным проблемам», воплощение народной космогонии как «модели должного человеческого бытия», «позитивно-созидательный пафос творчества» (С. 81–82). Причем если русские авторы в перестроечный и постсоветский период испытывают кризис онтологического сознания, то «русскоязычные писатели первого послевоенного поколения ненецкой и хантыйской литератур закрепили и развили в 1980–2000-е гг. опыт именно онтологических исканий российской культуры, доказали его художественную плодотворность» (С. 82).

Анализ повести А.П. Неркаги «Молчащий» на фоне мифопоэтики распутинского «Прощания с Матерой» демонстрирует близость писателей в понимании природы, родовой преемственности, отношения к жизни и смерти, феномена избранничества, при том что поэтика А.П. Неркаги гораздо более активно ориентирована на ненецко-хантыйскую языческую космогонию, ее циклические возвращения, перетекание физических состояний, творящую роль культурного героя.

Важной составляющей подобной поэтики и стоящего за ней авторского мировоззрения является неоднократно акцентированный в монографии момент сознательного конструирования. Для А.П. Неркаги ненецкая мифология и народная культура – объект не столько наследования, сколько реконструкции и даже «изобретения», в том числе за счет синтеза с христианскими символами и мифологемами и модернистскими эзотерическими концепциями (Д. Андреев). Думается, более внимательное разделение в «Молчащем» и творчестве А.П. Неркаги в целом традиционалистского и «изобретенного» – предмет дальнейших интересных разысканий.

Сопоставительный анализ позволил С.А. Комарову и О.К. Лагуновой выделить две линии сибирского онтологического письма, в случае русских писателей возводимого к постхристианскому сознанию, испытывавшему влияние современной культуры, а в случае рус-

скоязычных писателей коренных народов – к сознанию мифологическому, обращенному напрямую к космическим силам:

Опыт русской литературы национальные русскоязычные литературы рассматривали (в силу законов эйдетической поэтики – каноничность, риторичность, определенность пафоса, тематический принцип жанрообразования) как общий фонд принятых читателем официальных литературных форм, пригодных для использования в собственно национальных целях. Русскоязычность выступала гарантом их освященности для вовлечения в разговор не с русским читателем, а с высшими силами мироздания (С. 94).

Чрезвычайно показательный материал для демонстрации внутренних различий этих двух линий авторы предлагают в параграфе «Взаимодействие этнокультурных сознаний: опыт исследования» (С. 156–164), где обращаются к пометам известного прозаика, секретаря Тюменского отделения Союза писателей К.А. Лагунова на издании романа Е.Д. Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари» (М., 1990). Их совокупность позволяет сделать вывод о непонимании представителем русского литературного сознания художественной системы нефигуративного, лишённого сюжетной динамики и устремленного к родовой памяти типа романа. Симметричную реакцию, подчеркнем, отмечают С.А. Комаров и О.К. Лагунова в рецепции распутинского «Прощания с Матерой» А.П. Неркаги, которой кажутся недостаточными христианский персонализм и опосредованная религиозная символика: «Я испытывала разочарование: неужели даже такой серьезный писатель, как Распутин, ничего выше Бога не чувствовал?» (С. 87).

Подобные сближения и удаления мотивируют дробную композицию монографии, где варианты «сибирского» художественного сознания раскрываются в аспекте универсализирующего замысла произведения (глава 1), феномена избранничества (глава 2), репрезентации национального мира в художественном целом текста (глава 3), социальном функционировании словесности (глава 4).

Имплицитным сюжетом в осмыслении творчества русских писателей выступает у С.А. Комарова и О.К. Лагуновой поиск онтологической почвы, способной преодолеть кризисные духовные явления и вернуть единство национальному миру. В случае драматургии А.В. Вампилова («Пьесы А.В. Вампилова “Провинциальные анекдоты” и “Утиная охота”») (С. 29–56) это воплощается в поиске жанровой модели, способной соединять экзистенциальную достоверность,

социальную аналитичность и оперирование культурными символами. Тонко проведенный анализ мотивного состава и творческой истории пьес показывает движение драматурга к обобщающему замыслу, который передает «хоровую», коллективную национальную жизнь и связь поколений. Для В.Г. Распутина авторы акцентируют важность экологической, в широком смысле, установки, нацеленной на гармонизацию человеческого мира в его отношениях с миром природным («В.Г. Распутин как экограф» (С. 95–101). В творчестве В.М. Шукшина («Киноповесть В.М. Шукшина “Калина красная” и повесть для театра “Энергичные люди”» (С. 102–111] С.А. Комаров и О.К. Лагунова прослеживают динамику образов национальной воплощенности, связанной с крестьянскими традиционными ценностями (Егор Прокудин), и национальной развоплощенности, погруженности в антиценностный мир (Губошлеп, герои «Энергичных людей»). Всех трех писателей в концепции монографии сближает прямая обращенность к народной жизни, органом выражения которой они ощущают себя.

У авторов коренных народов Сибири эта тенденция достигает высочайшей степени, превращая писательскую личность в посредника между космическими силами и миром людей. В системе образов это воплощается в виде избранничества героя, которым может выступать как человек, так и животное – специфическое наследие языческого анимизма («Феномен избранности культурного героя (Е. Айпин, Ч. Айтматов, А. Неркаги)» (С. 57–67) и «Изображение животного как избранного (Е. Айпин, Ч. Айтматов, А. Неркаги)» (С. 67–80). Причем мифологические проекции Ч. Айтматова значительно отличаются от прямого мифологизма Е.Д. Айпина и А.П. Неркаги, где герой является не заложником искаженного мира, обреченным на трагическую гибель, а подлинным демиургом, открывающим путь онтологического восстановления.

Ряд экскурсов третьей главы («Рассказ Е.Д. Айпина “Русский Лекарь”», «Книга рассказов Е.Д. Айпина “Река-в-Январе”» и «Малые формы поэтов народов Западной Сибири» (С. 111–144) раскрывают своеобразие мифологического письма авторов коренных народов. Эпическая обобщенность, поглощение исторического легендарным, универсальность времени и пространства, синкретичность субъектной организации нарратива, стихия личностных превращений, насыщенная символика, преодолевающая границы человеческого и космического, – все это, по мнению

ученых, восходит к подлинно мифологическому пониманию Слова как органа самого бытия.

Представленная в монографии концепция базируется в первую очередь на имманентном рассмотрении художественных миров, лишь в отдельных эпизодах выходя в плоскость их биографического генезиса и культурного функционирования, что вполне органично для эссенциалистской установки. Самотождественность ценностных констант, выводимых преимущественно из религиозных оснований, как христианских, так и языческих (иногда в их синтезе), позволяет увидеть литературу Сибири как своеобразный «заповедник» исконных культурных начал и пространство реализации сюжета «воскресения», столь крепко сросшегося с восприятием Сибири в национальном культурном сознании.

IN SEARCH FOR NATIONAL CONSTANTS (BOOK REVIEW: KOMAROV, S.A. & LAGUNOVA, O.K. (2016) *LITERATURA SIBIRI: MISSIYA, ETNICHNOST', AKSIOLOGIYA* [LITERATURE OF SIBERIA: MISSION, ETHNICITY, AXIOLOGY])

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2017, 8, pp. 214–220. DOI: 10.17223/24099554/8/11

Tatyana A. Vasilyeva, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatiana_w_1988@mail.ru

Keywords: Russian literature, literature of the peoples of Siberia, literary regionalism, essentialism, axiological approach.

The article discusses the research concept of the monograph *Literatura Sibiri: missiya, etnichnost', aksiologiya* [Literature of Siberia: Mission, Ethnicity, Axiology] (2016) by S.A. Komarov and O.K. Lagunova. Attention is focused on original methodological approaches to the features of regional literature marked by the desire to identify its substantial core in terms of axiology, world outlook and poetics.